

Ater
Feles

Т
а
в
е
р
н
а
Г
р
ё
з

18+

Ater Feles

Таверна Грëз

«Автор»

2025

Feles A.

Таверна Грëз / А. Feles — «Автор», 2025

Наш дебютный роман — не просто темное философское фэнтези. В некоторых местах, кульминационных точках, его текст — это нелинейная экспериментальная проза, представляющая собой упорядоченный поток сознания мага, воспринимающего одновременно несколько потоков; пространство, в котором и которым нужно жить, а не просто созерцать его со стороны. Прочтение — вызов, а не прогулка налегке. Каждый может найти в романе то, к чему готов. В его мире нет определенности и четкого маршрута «от» и «до». Это путешествие по его дорогам — к той точке, куда вы приведете себя сами, исходя из своих стремлений. Он — поток и поиск.

© Feles A., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Таверна Грёз

Глава 1

Авторское предисловие.

«Таверна Грёз» — дебютный роман-эксперимент с непривычной историей.

Создан он был спонтанно. В те дни, когда мода на нейросетевые песни о творческих проектах уже почти угасала, мы с супругой (наше творческое объединение из двух человек) решили проверить такой формат и у себя. За час-другой я набросал тестовый стих. Чтобы защитить его от любителей приписывать себе чужое, было решено разместить произведение на одном из ресурсов. Но для публикации не хватало необходимого количества знаков, поэтому мы добавили описание нашего творческого мира — своеобразное дополнение-пересказ поэтических строк. Думали: позже напишем короткий рассказ о Таверне и на этом закончим эксперимент.

Но всё оказалось не так просто. Нет, не сложностью работы. Скорее, наоборот. К творчеству пришло вдохновение. Но не в виде пары легких, изящных и воздушных муз — нагрянул целый отряд амазонок с грозным приказом. Им не было дела до того, что автор решил повременить или ограничиться малым, — их требование было непреклонным. В итоге за пятьдесят шесть дней подряд — во время отпуска, вопреки отвлекающим со всех сторон обстоятельствам, «осколок эксперимента» вырос до масштабов ста одиннадцати тысяч слов плотного и тяжелого текста. Я и сам не ожидал подобного: до этого «в багаже опыта» находилось лишь несколько десятков коротких и простых текстов-реакций на события в интересующих меня областях.

Но и тут всё оказалось не так просто. На моё удивление, текст каждой главы формировался одновременно: и в текущей, и в следующей — ещё не написанной, и даже частично в той, что шла за ней, ещё не воплощенной на бумаге. И поэтому роман не хотел завершаться. Таверна и её история в финале книги только начали открываться читателю. Надеюсь, во втором томе произведение будет полностью готово в той задумке, которая была в начале.

Наш текст начал создаваться в пределах категории «16+». Затем, из-за местами запретельной, вызывающей излом сознания тематики, а также слегка уплотняющихся мрачных тем, возрастной ценз был поднят до «18+». После этого в нём появились некоторые взрослые темы (но не те, которые принято воспринимать под данной фразой), закрепив требование к возрасту.

Завершила процесс написания непростая для меня работа — сначала по «шлифовке» текста, а затем и его финальной «полировке». Но так как у меня нет редактора или корректора, некоторые нюансы и вопросы к грамматике или стилю, вероятно, будут присутствовать (там, где текст создавался по правилам языка). Если в роман закрались шероховатости (не связанные с художественным замыслом опечатки, технические ошибки), я с удовольствием их исправлю.

Упоминание о правилах речи и авторском замысле не были случайным. Сознание человека не всегда укладывается в привычные речевые конструкции, и в произведении я попытался передать словами то, что стандартный язык выражает лишь приблизительно и неправильно. Если вы заметите, что кое-где Грамматика, Орфография и Пунктуация — эта славная академическая троица — начинают ставить текст под большое сомнение (как минимум) — эти места в тексте специально созданы такими, какими есть. Надеюсь, вам будет интересно приобщиться к восприятию, где речь перестаёт быть плоской и обретает глубину. Уверен, что заложенное в романе — то, что осталось неупомянутым, и то, что скрыто, — не оставит вас равнодушными.

Добро пожаловать в Таверну.

Глава 1

Тонкие клубы пара из люка теплотрассы неспешно уносились, разуплотняясь завихрениями куда-то выше в небо, за границу конуса света фонаря, стоящего на перекрестке. Его тусклое сияние едва справлялось с ночным мраком и уступало даже вывескам рекламы, которые яркими нитями, танцующими благодаря ветру в лужах возле бордюров, рисовали странные узоры, добавляя отблесками на асфальте к окутавшему его рассеянному свету вывесок зыбкое марево.

Он присмотрелся к мокрому асфальту под ногами и заметил едва различимые искры переливов рубинового цвета, выходящие змеями, уходящие потоки которых устремлялись вдаль за перекресток, во мрак неприметной улочки, что словно пряталась за границей люка. В редких порывах ветра, укладывающего мягкие пара нити, подобно валу позёмного тумана, с ним они, словно взвесью воплощенным, в его влагу облаченные, кружились в непознанном, ускользающем от сознания танце, за собою маня.

Последовав их зову, он оказался в тупике дворика, перед дверью стоявшим. Удивленный таким странным его сном, странник начал к ней присматриваться с недоверием, происходящему не веря. Но спустя некоторое время он решился и дотронулся до её ручки. Остановился и еще раз окинул взором поверхность входа.

Это была ничем не примечательная дверь: серая, с выцветшей краской и паутиной по краям у завес, выходящей на сквозняке лёгком, что струился из щели соединения своей коробки. Хлипкая железная, с узорами ржавчины тонкими, сквозь краску проступавшими. Банальная и угрюмая в давящей безысходности ночного мегаполиса.

Его кисть сомкнулась на полукруге ручки, и он толкнул тонкое полотно металла вперед, отворяя вход в полумрак помещения, такого же пустынного, как и дворик за ним.

Объем без наполнения. В свете, ослабленном притемнёнными пылью стеклами единственного окна, закрытого массивной решеткой, он заметил в углу еще одну такую же дверь. Проскрипев половицами в центр, оставляя за собой следы, путник посмотрел за решетку на улицу.

Свет луны полной сквозь прозрачное препятствие хрусталем в её сиянии рисовал будто облаков, оседавших веками образами подобно диафильму на холсте стены и пола, свое второе фото.

Он прошел к следующей двери и открыл её так же неспешно и с опаской, прислушиваясь к звучанию пространства. Коридор. Такой же невзрачный и наполненный отсутствием чего-либо примечательного. Его короткое расстояние, преодолеть которое можно было за три шага, в центре венчала лампа из толстого прозрачного стекла в защитной клетке ржавого металла. Она давала яркий свет с контрастными тенями, расчерчивая пространство неровными квадратами.

Такие же плиты перекрытий на потолке, что и везде в помещениях, с белой побелкой. Бетонный пол с мраморной крошкой шлифованной, что выдавал себя за гранит, с тонкими коричневыми бордюрами деревянными на стыке стен. Те в свою очередь перенимали ту же эстафету серой неприглядности, отливая серо-синей глянцевой краской.

Шаги вперёд. Открытая дверь. Плохо освещенный зал какого-то заведения.

Впереди него, раскинувшись руками на столе, дремал официант, положив голову на руки вбок; у барной стойки находился бармен, увлеченный своим шаблонным в его профессии восприятием занятием: протирает гранёный стакан. Всюду — неопрятность и ветхость.

Путник закрыл дверь и с мыслями о странном месте на выход направился, размышляя о том, видел ли его вывеску рядом с переулком, когда шел мимо него по делам, днем прогуливаясь заодно этим районом.

Но выход, к его удивлению, опять оказался входом в зал заведения. Опешив, гость снова, как и в прошлый раз, посмотрел на официанта, который уже поднял голову и улыбнулся ему сонно, и потом снова на бармена, который, как ни в чем не бывало, был занят тем же делом. Присмотревшись к двоим незнакомцам, странник не заметил ничего особого: обычные невзрачные физиономии, которые не выделяются ничем из серой массы лиц в толпе, и внешность которых забывается почти сразу после того, как отвлечешься хотя бы на несколько секунд. Ничего нового в этом проклятом городе.

— Закажете чего-нибудь? — лениво задал вопрос бармен, продолжая рассматривать предмет своего действия, но на этот раз уже бокал.

Путник молча, ступив шаг назад, потянул на себя ручку, оградившись от шокирующей ситуации. Заточение в коридоре воспринималось спокойствием. Он, медленно попятившись назад, развернулся на ходу и направился к выходу. Остановился в центре пути под лампой и задумался.

«Вдруг это ловушка и я умру, не проснувшись?»

В испуге, ожидая подвоха, он продолжил движение.

Снова там же, но всё другое. С потолка на тонких тросах свисавшие длинные люминесцентные лампы в одинарных жестяных корпусах грубого заводского вида уже частично были в сгоревшем состоянии — лишь мерцали, и некоторые из них свисали, поддерживаемые одной только стальной нитью.

Стекла стены-окна, что почти полностью обрамляли помещение в северной и восточной его части, оставив лишь два метра бетона, что находился прямо, создавая напротив входа монолитную область блока, были в некоторых местах выбиты, словно кирпичами. Краска стен частично потрескалась от времени. Стулья некоторые, с поломанными ножками, стояли, прислоненные к столам, на части из которых они лежали на боковой своей области.

Двое работников, будто что-то замыслив, переглянулись, ухмыльнувшись, и в этот момент он ощутил поток воздуха справа от себя в скрытой двери части зала.

«Балкон!»

Выбежав на него, он отпрянул от поручней. Тот не выходил, как он рассчитывал, на улицы города: находился на крыше небольшого небоскреба. Посмотрев украдкой вниз от страха, гость опешил. Внизу копошились, словно потоком муравьев, странные существа, на людей не похожие. Присмотревшись к ним, он понял, что его заметили. Через мгновение внизу прокатилась волна воя — обратившие на него внимание, подобно озверевшим животным, начали прыгать в его сторону, неотрывно следя за ним своим взором, царапая стены в бесполезной попытке достать до него. Ужаснувшись и отпрыгнув от злобной волны голодной, путник, резко развернувшись, со всего духу помчался назад в коридор, захлопнув там за собой громко двери.

Побег вперед. Но снова в тот же зал назад. Более заброшенный на этот раз. Светила только одна лампа, которая болталась на единственном тросе с проводом, мигая изредка обреченно перед тьмою своей последней силою света, что истощалась с каждой вспышкой, болью души отзываясь при взгляде на её трагичной судьбы мерцание. Все остальные, разбросанные, валялись по полу, раздавленные и растоптанные тяжелыми шагами; не было уже стёкол оконных, остались лишь разлетевшиеся их крошки и зубьями они торчали то тут, то там на рамах,

раскрашенные грязными коричневыми разводами; побелка наверху отпала, местами оголяя серые балки неравномерно, своими частицами иногда свисая на паутине пыльной, сквозняками качаясь, а в некоторых местах её вытеснила вниз плесень в лужах влаги на потолке, припорошив ею крошку стекол вперемешку с комьями нити пауков на поверхности пола; краска на бетоне стены отошла и цеплялась за него неравномерно, создавая собою словно поле, замощённое цветами, лепестки которых вот-вот закроются и устремятся вниз опадать; столы и стулья были разбиты и разбросаны на земле вперемешку с другим мусором бывшего убранства.

Недалеко впереди проявился из ниоткуда плавно официант. Его одежды были разорваны и окрашены высохшей массой бывшего красного. Смотря наглым хищным взглядом, он широко улыбнулся, обнажив ряд острых нечеловеческих зубов. Заметив движение, странник повернул голову влево. На том же месте, где и прежде, стоял бармен. Внешность у него тоже была иная: черные яблоки глаз, с зелеными зрачками и змеиным взглядом, контрастировали с красной, тиснёной, будто мышцами волокон, кожей, которая больше напоминала её отсутствие. На неё больше походило его подобие тряпки — словно части плоти лоскуток тонкий рваный, которым он вытирал, разводами следа за ним, большой, подобный конфетнице, бокал с толстыми стенками с острыми сколами сбитых краёв. Поправив трехпалой лапой пышную копну черных толстых волос, бармен улыбнулся гостю беззубым ртом. Паника и страх переросли в животный ужас, и путник, отступая назад, запутался в своих подкосившихся ногах и начал падать. Тщетно размахивая руками в попытке удержаться, он грохнулся на бок, после чего начал быстро отползать, пятясь задом, лихорадочно отталкиваясь ногами и перебирая руками. Перевернувшись ближе к середине коридора на четвереньки, он на них преодолел оставшийся до выхода путь и повис было на ручке двери, толкнув ту вперёд телом, но с еще большим перепадом замер, повиснув. В открывшейся у его головы щели был не выход, а темень.

Мрак проема оглушил его непонятным рокотом и звоном в ушах, и, прислушавшись к бездне, он словно на себе ощутил хаотичные переливы тысяч голосов, всей полноценности того, что могло их вызвать, о существовании чего он даже подумать боялся, пряча неверием это в своей памяти от чувства, большего, чем само определение в своей форме крайней. Вторя их хору, но намного более бледным и бессильным голосом, он вскрикнул и отпрыгнул, как пружина, к центру коридора.

Лампа освещения беспристрастно горела, расчерчивая всё вокруг такими же чёткими резкими линиями. Пространство было «разрезано» тенями на сегменты. Странник словно находился внутри круглой клетки, вписанной в прямоугольный коридор его пространства. На его тело будто набросили гигантскую теневую сеть, которая изгибалась по углам, ломая восприятие окружающего. Он сидел в центре и трясся, сидя в позе эмбриона и отказываясь верить в происходящее. Все эмоции, которые он испытывал сейчас, имели единственный источник, появление которого он сдерживал изо всех сил среди хаоса мыслей. Вдруг стена сзади, на которую он опирался спиной, начала плавиться, как пластилин, и, уминаясь вместе с ним, она ушла от веса его тела вглубь, а он — во мрак проваливаясь. Глаза застилала пелена, и у него не было сил даже заорать неудержимым, необузданным криком. И, когда он почти растворился, справа от него со скрежетом, вырывавшимся пульсом металла завес, открылась дверь. На последних силах обречённо повернув голову, не имея сил уже даже на запредельный ужас, он сквозь раскаты тумана черного увидел то, что было чужеродным в этом мире.

— Ты чего шумишь? — послышался спокойный дружелюбный голос, который обращался к нему, будто к древнему знакомому. — Разбудишь постояльцев наверху, — показал пальцем вверх неизвестный и закрыл за собою дверь.

Странник замер в шоке и попытался вспомнить того, кого он увидел, не веря одновременно в его реальность:

«Высокий, но не очень. Черная жилетка, брюки и белая рубашка. Не плотный, но крепкой формы, жилистый, с квадратной челюстью и русыми волосами, но в последнее время гость не верил из-за темени, которая заполонила на тот момент его зрение. На фоне его был теплый свет и интерьер вида камня с металлом».

Встав на четвереньки, с опаской он начал было двигаться к той двери, из которой появился странный посетитель, но она сама открылась, впуская в заточение коридора не только свет, но и запахи еды кухонные — её готовки.

Путник остановился перед распахнутым настежь проемом, не веря в реальность, он искал подвох, вглядываясь в зал. Сейчас увиденная им в самом начале его пути в это проклятое место картина была иная: чистый гранитный пол светлый; уютные стулья, обитые кожей, и резные столики из темного дерева; стена впереди выкрашена в строгий черный цвет, и металл толстых рам оконных тоже справа и слева; барная стойка из белого мрамора и возле неё стулья с высокими ножками, контрастирующего с ней цвета; окна чистые и прозрачные смотрят прямо в облака; лампы свисают новые и яркие из ровного потолка с равномерной побелкой. Он удивился.

Через мгновение после этого из-за угла со стороны балкона выглянул официант. Всё тот же с невзрачным видом, что и в первый раз.

— Проходите? — спросил он гостя.

На молчание в ответ, к официанту присоединился такой же, что и при начальной встрече, с заунывными чертами лица бармен. Он шагнул ближе к столешнице, оперся на неё локтями и, посмотрев на путника на полу, задал ему вопрос:

— Чего изволите?

Казалось, прошла вечность. Все замерли в своих позах. Гость переводил взгляд с одного работника бара на другого, почти не моргая, а они смотрели расслабленно в ожидании на своего посетителя, изредка бросая взгляд друг на друга, словно кто-то из них собирается что-то сказать.

— Домой, — обреченно и несмело молвил странник.

— Вы дома, — бесхитростно констатировал почти сразу же бармен.

— Ну, точнее, Вы находитесь сейчас дома "там", но пребывая "тут", — так же быстро дополнил ответ официант.

— Мы вас не держим, — после минутной тишины начал речь работник зала, стоящий слева от него за стойкой, — можете идти домой когда угодно.

«Как?» — задумался гость и мгновенно услышал в своих мыслях голос прошлого участника диалога:

«Вы не могли уйти, потому что думали об этом месте. Просто не думайте о нем и все дела».

И тот, что стоял справа от него, прячась большей своей частью за дверью, вслух ответил, зная те мысли, которые собирался подумать странник:

— Нет, там будет обычный коридор и потом пустая комната, ведущая на выход в тупик улочки. Если не создавать страхом глупости, то и не попадете в них вовсе.

— Вы сами создаете тут реальность, — продолжил речи официанта бармен. — Тут будет ровно "то" и "так", как Вы себе представите.

Подумав немного, тавернье добавил:

— Нет, ну не совсем чтобы. Я и мой коллега, — кивнув на официанта, — останемся представителями Вашего пола, следуя стандарту. Можете, конечно, позвать вместо нас представительниц женского коллектива, а мы удалимся в комнату отдыха, если Вам так комфортнее, однако будем оставаться в это время в Вашей реальности этого места. Но всё остальное, пространство и еда, — это уж кто на что из посетителей горазд. Как-то так.

— Наша Таверна всегда открыта для Вас, — сказал официант. — Как найти путь к ней, знаете. Мы тут в любое время.

— Он ушел давно. Странно, почему мы не поменялись? — спросил черный кот, сидящий на столешнице.

— Значит, не ушел, — ответил тавернье и посмотрел на экран, спрятанный в углу: на нижнем ярусе в глубине стойки.

Пролистав изображения камер, заметил гостя, стоящего у первой двери на улице.

— Думает, — ответил коту.

К разговору подключился официант, который вышел из кухни, направляясь за один из столиков для того, чтобы устроиться там и подремать.

— Говорил же я вам: нужно что-то предпринять. Это уже пятый подряд такой посетитель.

— Да уж, надо бы, — призадумался бармен, — а то получается, мы не таверна, а дом ужасов. Так наш бизнес точно разорится.

— Слушайте! — радостно отозвался его коллега, сидя уже за столиком, — а может, сменить профиль?

— Нет, — ответил им двоим кот, — нужно просто на входе на двери написать фразу, в которой сказать что-то о том, что делать нужно, а что нет. Или на определенном уровне страха в коридоре будут появляться надписи, нечто наподобие: «Это сон, не бойся и не держись за это место для того, чтобы выйти, а потом выходи через дверь».

— Точно! — обрадовался бармен. — Я напишу хозяину. Думаю, он согласится. Это отличная идея!

— Эх, а как же было хорошо и просто раньше, в те древние времена... — задумчиво, с ностальгией произнес официант, склонившись над столом и устроившись поудобней. — Вот бы вернуть всё назад. Я слышал, что скоро нам снова поменяют формат, на этот раз более радикально. Так не хочется снова привыкать к очередным сложностям. Раньше мы назывались "Старая Таверна Сновидений", а сейчас "Таверна Грѣз". Надеюсь хоть название не изменится в будущем снова.

— Не проблема. Я всемогущ! — серьезным голосом, но с несерьезным видом ответил коллеге тавернье и достал из-под прилавка граммофон с медным рупором.

Вслед за ним он вытянул пластинку в картонном конверте, на котором был изображен серп месяца, разместил виниловый диск, установил механизм, завёл аппарат, покрутив заводную ручку, отвел рычажок в сторону и замер, прислушиваясь.

Из раструба донеслось мягкое шипение и через мгновение из металлической глубины рупора хлынули звуки женских голосов, поющих причудливую балладу:

«Ты устал от борьбы с ярой бурей стихии
На волнах в океане глобальной сети.
И увлечь за собой бездна хаоса хочет,
И грозит потопить твой фрегат океан.
Когда путь остановлен преградой невзгод,
Поражение морские угрозы пророчат,
Нет надежд уберечь себя в доброй погоде,
Не корись, присмотришь к горизонту вдали.
Наш маяк для тебя - путеводная нить.
Его свет не подвластен бушующим водам:
Им движения путь в тишине будет дан.

Сновидений Таверна — твоя тихая гавань,
Уютный мирок среди стихий безбрежных,
Где восполнить запасы и высушить одежды
Ты сможешь под сенью наших правил безопасно.
Где спокойствие тебя ждут и отдых.
Где можешь перевести дух и набраться сил свежих.
И, избавившись от тяжести мирских забот,
Ты продолжишь обновленным путь к своей цели.

В зале общем - Черный Кот — воплощение правил.
Радужно встретит он всех странников.
У камина под шум моря он поведает
Многие предания и тайны, сокрытые от взора,
И путь укажет к разума отдыху, забытию невзгод.
Ты можешь делиться любыми историями своих подвигов
В путешествиях по бурным бытия водам.

Над залом общим - покои постояльцев,
Чистота сердец и помыслов которых доказана.
Там в трапезных - лишь изысканные напитки и яства.
Для тех, кто знает цену истинную тишины
И кто готов за неё заплатить, заслужив пропуск.
Нинэль там хозяйка.
Шепот Шелков — Хранитель-Арахнид.
Верный страж и помощник безмолвный:
Прирученное ею создание подземных миров,-
Спокойствие охраняет.
Пронизаны пространства здесь все его сетями,
И души, злом наполненные, — его улов.
Нет наверху тех, кто замыслил злое.

Сновидений Таверна — твоя тихая гавань,
Мирок уютный среди стихий безбрежных,
Где под покровом наших правил
Вдали от штормов и вихрей цифрового хаоса,
В уюте и тепле у очага Таверны,

Мелодиям историй уверовав,
Ты уже не будешь прежним.
И, крылья свои снова расправив,
Ты вознесешься в небо безмятежное,
В былое вернувшись, ты собою снова станешь.»

Пение закончилось и певицы уже обычным голосом, спокойно и уверенно, произнесли предложения, каждая своё:

— И помните: маяк не гаснет.

— Он ждёт, когда вы вновь увидите его горизонт.

После чего остался лишь тихий белый шум пустого винила.

«Это да, — подумал Кот. — Именно с этой незатейливой, созданной мною песни. Её мелодия и инструменты звучат лишь те, которые есть в душе того, кто её слышит. Помню однажды её спел для Таверны под видом барда-кочевника...Так началось всё это безобразие. Помню-помню».

Он устроился поудобней и начал вспоминать, с головой провалившись в свое прошлое:

... Полумрак грузового трюма. Покачивание судна на легких волнах. Шум разговоров, ветра в парусах и волн. Подозрительный товар в ящиках.

«Что это за глупости везут?» — подумал и начал присматриваться к содержимому деревянных контейнеров.

Вдруг за доской стенки кают прогудел чей-то недовольный голос, чуть было не заставивший его дрогнуть:

— Где моя еда?

— Ты и так сожрал больше дозволенного, — отвечал ему еще более злой и силовой голос.

— Ничего я не жрал! Какого рожна вы еду зажимаете?

— Угомонись, — настаивал его собеседник. — Через час прибудем в порт. Потерпишь.

Недовольное сопение искателя перекуса было прервано третьим персонажем этой сцены:

— Через минут десять будем проплывать мимо корчмы. Высади его, пусть потрапезничает, — издевательски выдал неизвестный.

— Никуда я не пойду, — обиженно ответил любитель кулинарных излишеств.

— Пойдешь, — сказал четвертый участник; его появление предварил поспешный топот, доносившийся с верхней палубы задолго до того, как он вошел в каюту. — Мы тебя подождем.

— Ясно, — довольно ответил зачинщик беспорядка.

Кот прислушался к мыслям капитана.

«Ммм... сундучок решил припрятать у меня под носом... — он хищно оскалил зубы. — Что за глупый повод? Или договор? Что же там такое в нём?»

Не обнаружив больше ни единой мысли, удивился:

«Надо же, как грамотно ты закрыл голову. К чему такие тайны? От кого же ты тут, на этом корыте, прячешься?»

Пробравшись в сознание капитана, начал искать ответ.

— А это что за номер? — найдя нужное и ошавев, произнес он вслух.

— Кто здесь? — испуганно прозвучало из одного из ящиков.

— Не обращай внимания, — ответил ему кот, — это говорящая мышь.

Не став дослушивать возгласы удивления, исчез, вернувшись в Таверну.

Глава 2

— Корабль на горизонте! — радостно прокричал бармен, заведя сквозь открытое окно на границе водной глади и неба едва заметный тёмный силуэт. И, посмотрев на чёрного кота, дремавшего возле подоконника на прилавке, добавил: — Этот точно к нам.

Мотнув ухом, кот глянул в сторону виновника шума, после чего снова уложил голову на передние лапы и, недовольно слегка вильнув хвостом, приоткрыл глаза, наблюдая немигающим взглядом за игрой мелких частиц пыли, танцующих в луче солнца, который прокрадывался сквозь резные узоры двери Таверны.

Бармен зажёл лампы в зале и поспешно направился на кухню. Кот, поняв, что грядёт уборка, не стал дожидаться, пока его сгонят с нагретого места: поднялся на все лапы, потянулся и прыгнул на подоконник.

— Потом належишься, — улыбаясь, произнёс управляющий своему четвероногому помощнику, между делом поглядывая на очертания парусника. Закончив приготовления, он вернулся на свое рабочее место и начал ожидать гостей.

Спустя несколько мгновений помещения наполнились звуком голоса, что раздавался ото всюду негромким хором слов:

— Не старайтесь. — произнесло пространство.

Тавернь замерла от неожиданности и тут же спросил, осматриваясь по сторонам:

— Почему?

Но ответа так и не последовало.

— Странно, — сказал он задумчиво, обращаясь больше к самому себе, чем к напарнику, — надеюсь, это не очередные хулиганы.

Кот лениво оглянулся на него, потом отвел взгляд снова к морю, зевнул и уютно улёгся в нише окна.

— Ну ладно, — задумчиво пробубнил себе под нос бармен, и замер в ожидании, порой поглядывая на предметы зала.

Через некоторое время в бухту у маяка Таверны прибыло судно. Но, вместо того, чтобы пришвартоваться к причалу, оно встало поодаль и отправило к берегу шлюпку. Человек из неё вскоре появился на пороге и недоверчиво огляделся.

— Добро пожаловать, странник! — начал было управляющий свою радушную речь, но гость резко остановил его сухим спокойным голосом:

— Что-то тихо тут у вас. Слишком.

Не убавляя добродушия, бармен ответил ему:

— Тихо? — и, окинув взглядом зал, вернул взор на посетителя, — Что Вы, наша Таверна всегда наполнена весельем отдыха, она не прекращая звучит голосами и смехом наших гостей и постояльцев.

Выдержав некоторую паузу, внимательно наблюдая за реакцией путника, добавил:

— К нам приходят для того, чтобы провести время в беззаботности. Каждый из наших гостей сам решает, куда он прибыл, и каков будет его досуг. Но таки да, иногда тут штиль. Но это к лучшему. — И, резко сменив тему, учтиво добавил: — Что будете заказывать?

Лицо странника выражало недоверие. Он немного подумал, затем ответил:

— Русалкины слёзы, икру рыбы-Луны и плоды Цветка из дьявольского грота.

На мгновение все в зале замерло. Чёрный кот едва заметно мотнул кончиком хвоста, после чего в легком прищуре приоткрыл глаза. Тавернь чуть было не сломал грифель каран-

даша от внезапного нажима на бумагу, а организатор замешательства самодовольно ухмыльнулся. Неловкую паузу резко прервал тихий далекий шум закрывающейся двери помещения кухни, которая находилась в аккурат за спиной управляющего и была ограждена деревянной перегородкой от любопытствующих взоров посетителей.

— У Вас хороший вкус! — искренним тоном сказал бармен и, записывая в блокнот пожелание клиента, добавил, посмотрев на него:

— Как раз вернулся наш шеф-повар. Он сейчас всё мигом приготовит.

Изящно оторвав листок записи, он повернулся вдоль стойки и окликнул в сторону кухни:

— Твой заказ!

Через десяток секунд, под аккомпанемент всё приближающихся звуков возни, сопения и топота из-за одного из краёв ширмы взору посетителя, находившегося в шаге от стойки, показалась шапка повара. Её верх остановился в центре барного пространства и начал вращаться, поворачиваясь то в одну сторону, то в другую. Удивленный гость сделал шаг ближе, с любопытством заглянул за столешницу и в тот же миг застыл: из-за неё на него строгим взглядом смотрел гном-карлик.

— Держи, — сказал бармен повару, подавая заказ.

Это действие ненадолго вывело гостя из оцепенения, но он продолжал неотрывно разглядывать столь неестественное зрелище. Гном еще раз посмотрел то на одного, то на второго, выхватил бумагу и принялся читать. Спустя несколько секунд его физиономия искривилась в ярости, глаза налились кровью и он сжал кулаки, скомкав записку. Его огненно-рыжие усы и борода, напоминая движения огня, выпрямились и начали торчать в разные стороны. С ненавистью смотря то на бармена, то на посетителя, прищуривая от злости то один глаз, то другой, гном, казалось, был готов в любой момент наброситься на кого-нибудь из них. Но, сдержав себя, он с воинственным видом, напрягши своё коренастое квадратное тело, понесся на кухню.

Не дав посетителю опомниться, бармен успокоил его:

— Не беспокойтесь, он самый лучший мастер и добряк на этом острове. Золотые руки. Вам, кстати, с собой или подготовить столик? Перец, соль там...? — и с незаконченным вопросом посмотрел на собеседника.

Тот замешкался, не зная что ответить, потом выдал тихим спокойным голосом:

— С собою.

Тавернье повернулся в сторону вотчины повара и крикнул:

— Шеф, На вынос!

В ответ как будто бы из глубин кухонного подвала донеслись традиционные гномьи тирады. Кашлянув, бармен объяснил:

— Мастер говорит, что сделает всё в лучшем виде, — и добавил: — присаживайтесь, где Вам угодно, если желаете.

Гость призадумался и сел на стул рядом со стойкой, облокотившись об неё, выражение его лица сменилось на равнодушное, и он стал молча ожидать свой заказ.

Чтобы как-то разбавить возникшую тишину, управляющий решил затеять новый разговор:

— К сожалению, не можем предложить вам музыку, — кивнул он головой в сторону пустой сцены для выступлений, — чтобы скрасить ваше ожидание. Мы до сих пор в поисках грамотных бардов, но попадаются с каждым разом всё более странные особи. Последний из них — случай особый:

В один из дней в таверну пришёл, по его словам, высококлассный музыкант — худой, с немой бородой, торчащей торчком, и растрёпанными волосами, с шальным взглядом круг-

лых глаз, в обнимку с гитарой. При нём была даже его муза - такая же тощая, но в годах особа в маске, с глупой, криво нарисованной улыбкой. Она норовила прыгать вокруг своего героя по поводу и без, осыпая барда дифирамбами. «Ну мало ли, — подумал я, — все они странные», — и предложил этому музыканту сыграть мелодию. Бедолага долго пыжился, кряхтел, но никак не мог попасть в ритм и успеть за нотами. После своего выступления этот паяц заявил, что якобы мы должны за его работу организовать за наш счёт ему сцену в кабаке на соседнем острове, и начал даже рассказывать, что все наши припасы мы обязаны доставить туда хозяевам той забегаловки для того, чтобы показать им, какой он незаменимый бард и герой. И когда я предложил ему путешествие по морю в большой смоляной бочке, наполненной едой, но уже в бывшем виде, он начал вопить о том, что мы все глупые и поэтому не поняли его слов, и что он, Его Высочество, имел в виду совершенно другое. После чего гордо поднял голову и важно побрёл из заведения, а его муза, прыгая вокруг него, чуть было не утащила перечницу и соль со стола. Я вовремя на неё рявкнул.

Уж и не знаем, где искать кого-то толкового. Если у вас имеется на примете кто-то, будем рады. А сейчас гостям можем предложить разве что нашего повара. Но за его частушки нас мигом прикроют.

Тем временем сзади рассказчика послышался стук поставленной на доску тары, и раздался тихий звон колокольчика.

— Готово! — воскликнул бармен, повернувшись, открыл окошко выдачи еды, достал оттуда круглое закрытое блюдо из непромокаемого картона, поставил его перед заказчиком и замер в предвкушении, не отрывая от крышки рук.

Посетитель на этот раз тоже ухмыльнулся, но уже скептически и с затаённым любопытством, и скомандовал:

— Открой.

Управляющий снял крышку и, не отвлекаясь никуда более, следя за ней взглядом, аккуратно отложил её в сторону вверх дном, после чего посмотрел на гостя. Тот сидел с каменным лицом, вглядываясь в свой заказ. Словно по команде, они дважды перевели взгляд — с еды друг на друга — и с одинаковыми эмоциями на лицах повернули головы в сторону кухни, затем Тавернье крикнул раздражённую вопросительную фразу гному на его языке. В ответ раздались раскатыстые трели негодования вперемешку с причитаниями, звенящие эхом в пустых кастрюлях. Бармен обернулся к гостю, улыбнулся и сказал:

— Шеф желает приятного аппетита и говорит, что блюдо за счёт заведения. — и, приглядываясь к наполнению тарелки, добавил: — Это помидоры, фасоль и, судя по всему... лук? Одну секундочку.

Он проворно достал с полки позади себя среди горы чистых столовых приборов вилку, ловко поддел ею один из самых мелких колец нарезанного овоща из тарелки посетителя и положил его себе в рот. Пожевав немного и слегка скривившись, подтвердил:

— Да, это он. — и тут же, снова обращаясь к гному, шумящему на кухне посудой, задал вопрос: — Ты где лук-то взял?! А?! Он же неделю как закончился!

Повар что-то буркнул тихо и невнятно уже из другой точки своего рабочего места, и Тавернье объяснил страннику:

— Из плантаций северней. Проходил на днях тут один караван... Может, чего закажете? Горячего, Жгучего или обычного? — вежливо спросил он. И, как бы указывая на выбор, кивнул головой на бочонки.

— Первое, — нехотя выдал гость.

Наполнив деревянный бокал, Тавернье поспешно, но аккуратно поставил его перед посетителем и так же быстро принялся завязывать коробку с заказом. Его предположения оправ-

дались: тот одним махом выпил напиток, размеренно встал со стула, развязно положил на неё монету, одну из тех, которые ходят в ближайшей провинции, небрежно под мышку сгрёб заказ и молча вышел из Таверны.

Как только посетитель удалился на значительное расстояние от здания, кот, до этого делавший вид, что он дремлет, открыл глаза, повернул голову к управляющему и тихо расслаблено промурчал:

— Ты в своем уме? Какой гном? Какие частушки?

Бармен, уже привыкший к таким, по его мнению, капризам питомца, ответил нехотя:

— Ну а что? Пускай. Шляются тут всякие. Ты же видел, во что он одет? Сапоги на размер больше, под пёстрым камзолом выделяются очертания грубой рубахи. Не нравится он мне. Теперь-то уж его точно в первую же ночь команда выпнет под зад на палубу или ещё долго не пустят в кабак на ближайших островах.

Присмотревшись к монете, спрятал её в ящик кассы. Подумав некоторое время, он сказал:

— А сам-то ты почему не помогаешь?

На что фыркнувший от этих слов кот ответил:

— Вот еще. Мое дело — мышей ловить.

После чего он поднялся, потянулся, прыгнул на стойку, потом на пол и, сделав важный вид, независимой походкой направился к двери Таверны, в нижней части которой находилась дверца для котов. Высунув голову наружу, он осмотрелся вокруг, прислушался внимательно к звукам и одним прыжком оказался на каменной плите порога. Как только створка за ним перестала шататься из стороны в сторону, кот преодолел одним махом расстояние до окна, запрыгнул в его нишу на подоконник и огляделся. Его взору предстал большой круглый зал без внутренних перегородок, вдали которого виднелась тяжелая кованная дверь на второй этаж. Всю его площадь освещал равномерный тусклый свет без источников. В его сиянии каменная кладка стен, деревянные потолок и пол казались нарисованными неумелым художником. Кот медленно закрыл глаза и растворился в пространстве. Возникнув в тот же миг на другой стороне острова, на самом его краю, откуда перед взором открывался вид на всю территорию, он улёгся под разлогим деревом и посмотрел вдаль на Таверну.

«Что-то я упускаю», — задумался Кот, и, смотря на серебристо-зеленый лунный свет, который мерк во славе отраженного в окнах второго этажа утреннего солнца в наступившей тьме ночи под ярким пледом звездного неба, под колыбельную стрекотания кузнечиков в кроне растения и шороха теплого ветра неспешного травую постели его, уснул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.